

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ КИТАЯ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Б. А. АЛИМДЖАНОВ¹⁾, Ж. Е. НУРБАЕВ²⁾, Г. Ж. СУЛТАНГАЗЫ³⁾

¹⁾Ташкентский международный университет Кимё, ул. Ш. Руставели, 156, 100121, г. Ташкент, Узбекистан

²⁾Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан,
ул. Бейбитшилик, 4, 010000, г. Астана, Казахстан

³⁾Университет КазГЮУ им. М. С. Нарикбаева, ш. Коргалжынского, 8, 010000, г. Астана, Казахстан

Аннотация. На основе неопубликованных архивных документов, данных коммерческих банков, биографий купцов и баев рассматривается развитие торговли на границе между Казахской степью, Китаем и Российской империей во второй половине XIX – начале XX в. В исторической литературе ситуация на этой границе характеризуется как модернизирующаяся и сочетающая признаки имперской и колониальной политики. Доказывается, что на границе Восточного Туркестана велась скорее имперская, чем колониальная политика, поскольку регион не находился под контролем, а на местное купечество и приграничное население не оказывалось давление. Пассивное вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю приносило политическим игрокам определенную выгоду и обеспечивало лояльное отношение местных торговых структур. Названная выше граница зафиксировала политические амбиции Китая и России, не оказав значительного влияния на трансграничную торговлю, что способствовало росту предпринимательства с обеих сторон. Данная ситуация изменила степной регион Казахстана в социально-экономическом отношении, а именно трансформировала традиционную структуру казахского общества (появились новые социальные категории – байство и казахское купечество) и внутреннюю торговлю. Имперская политика обусловила рост роли приграничных городов, таких как Верный, Кашгар, Кульджа, Оренбург и Ташкент, в торговле.

Ключевые слова: империя; трансграничная торговля; купечество; бай; Казахская степь; Центральная Азия; Восточный Туркестан; фронтир.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта AP19679187 «Институт байства в условиях имперской и большевистской модернизации: исторический и культурологический анализ».

Образец цитирования:

Алимджанов БА, Нурбаев ЖЕ, Султангазы ГЖ. Значение Казахской степи в трансграничной торговле Китая и Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;3:58–67.
EDN: EYROPQ

For citation:

Alimdjanov BA, Nurbayev ZhE, Sultangazy GZh. The importance of the Kazakh Steppe in the cross-border trade of the China and Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;3:58–67. Russian.
EDN: EYROPQ

Авторы:

Бахтийёр Абдирахимович Алимджанов – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории исторического факультета.

Жаслан Есеевич Нурбаев – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела азиатских исследований Центра международных исследований.

Гулмира Жолмагамбет-кызы Султангазы – кандидат исторических наук; доцент кафедры права юридического факультета.

Authors:

Bakhtiyor A. Alimdjanov, PhD (history); associate professor at the department of history, faculty of history.

balimdjanov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8251-0201>

Zhaslan E. Nurbayev, PhD (history); senior researcher at the department of Asia research, International Research Center.

nurbayev_zh@kisi.kz

<https://orcid.org/0000-0003-4862-6152>

Gulmira Zh. Sultangazy, PhD (history); associate professor at the department of law, faculty of law.

g_sultangazy@kazguu.kz

<https://orcid.org/0000-0002-8998-5875>

ЗНАЧЭННЕ КАЗАХСКАГА СТЭПУ Ў ТРАНСГРАНІЧНЫМ ГАНДЛІ КІТАЯ І РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Б. А. АЛИМДЖАНАЎ^{1*}, Ж. Я. НУРБАЕЎ^{2*}, Г. Ж. СУЛТАНГАЗЫ^{3*}

^{1*}Ташкенцкі міжнародны ўніверсітэт Кімё, вул. Ш. Руставелі, 156, 100121, г. Ташкент, Узбекістан

^{2*}Казахстанскі інстытут стратэгічных даследаванняў пры Прэзідэнце Рэспублікі Казахстан,
вул. Бэйбітшылік, 4, 010000, г. Астана, Казахстан

^{3*}Універсітэт КазГЮЎ імя М. С. Нарыкбаева, ш. Каргалжынская, 8, 010000, г. Астана, Казахстан

Анатацыя. На аснове неапублікаваных архіўных дакументаў, дадзеных камерцыйных банкаў, біяграфій купцоў і баеў разглядаецца развіццё гандлю на граніцы паміж Казахскім стэпам, Кітаем і Расійскай імперыяй у другой палове XIX – пачатку XX ст. У гістарычнай літаратуры сітуацыя на гэтай граніцы характарызуецца як зменлівая і такая, якая спалучае прыметы імперскай і каланіяльнай палітыкі. Даказваецца, што на граніцы Усходняга Туркестана вялася хутчэй імперская, чым каланіяльная палітыка, паколькі рэгіён не знаходзіўся пад кантролем, а на мясцовае купецтва і прыгранічнае насельніцтва не аказваўся ціск. Пасіўнае ўмяшанне імперскай адміністрацыі ў трансгранічны гандаль прыносіла палітычным гульцам пэўную выгаду і забяспечвала лягальнае стаўленне мясцовых гандлёвых структур. Названая вышэй граніца зафіксавала палітычныя амбіцыі Кітая і Расіі, не аказаўшы значнага ўплыву на трансгранічны гандаль, што садзейнічала росту прадпрыемніцтва з абодвух бакоў. Дадзеная сітуацыя змяніла стэпавы рэгіён Казахстана ў сацыяльна-эканамічных адносінах, а менавіта трансфармавала традыцыйную структуру казахскага грамадства (з'явіліся новыя сацыяльныя катэгорыі – байства і казахскае купецтва) і ўнутраны гандаль. Імперская палітыка абумовіла рост ролі прыгранічных гарадоў, такіх як Верны, Кашгар, Кульджа, Арэнбург і Ташкент, у гандлі.

Ключавыя словы: імперыя; трансгранічны гандаль; купецтва; бай; Казахскі стэп; Цэнтральная Азія; Усходні Туркестан; францір.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Камітэта навукі Міністэрства навукі і вышэйшай адукацыі Рэспублікі Казахстан у рамках навуковага праекта AP19679187 «Інстытут байства ва ўмовах імперскай і большавіцкай мадэрнізацыі: гістарычны і культуралагічны аналіз».

THE IMPORTANCE OF THE KAZAKH STEPPE IN THE CROSS-BORDER TRADE OF THE CHINA AND RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY

B. A. ALIMDJANOV^a, Zh. E. NURBAYEV^b, G. Zh. SULTANGAZY^c

^aKimyo International University in Tashkent, 156 Sh. Rustaveli Street, Tashkent 100121, Uzbekistan

^bKazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan,
4 Beibitshilik Street, Astana 010000, Kazakhstan

^cMaqsut Narikbayev University, 8 Korgalzhynskoe Highway, Astana 010000, Kazakhstan

Corresponding author: B. A. Alimdjano (balimdjano@gmail.com)

Abstract. Based on unpublished archival documents, data from commercial banks and biographies of merchants and bays, the article examines the development of trade on the border between the Kazakh Steppe, China and the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. In historical literature, the situation on this border is characterised as modernising and combining features of imperial and colonial policies. It is argued that imperial rather than colonial policy was pursued on the border of East Turkestan, since the region was not under control and there was no pressure on local merchants and border populations. Passive intervention by the imperial administration in cross-border trade brought certain benefits to political players and ensured a loyal attitude from local trade structures. The above-mentioned border recorded the political ambitions of China and Russia without having a significant impact on cross-border trade, which contributed to the growth of entrepreneurship on both sides. This situation changed the steppe region of Kazakhstan in social-economic terms, namely, it transformed the traditional structure of Kazakh society (new social categories such as bays and Kazakh merchants appeared) and internal trade. Imperial policy led to the growing role of border towns (Verny, Kashgar, Kuldja, Orenburg and Tashkent) in trade.

Keywords: empire; cross-border trade; merchants; bay; Kazakh Steppe; Central Asia; East Turkestan; frontier.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project AP19679187 «The institution of bay in the conditions of imperial and bolshevik modernisation: historical and cultural analysis».

Введение

Граница между Казахской степью, Китаем и Российской империей фиксировала политические амбиции сторон, не оказывая значительного влияния на трансграничную торговлю. Китай и Российская империя были заинтересованы в открытости границы, что определило экспансию последней в названный регион Казахстана. Стоит отметить, что Китай был слаб, поэтому уйгуро-дунганское восстание 1864–1877 гг. вызвало серьезную обеспокоенность в его столице – Пекине [1]. Возвращение Кульджи и Илийского края Китаю в 1881 г. гарантировало ему спокойствие на западной территории. Ситуация на пограничье Восточного Туркестана больше напоминала имперскую, чем колониальную, поскольку местное купечество и приграничное население данного региона фактически не находились под контролем. Имперская ситуация понимается как фиксация существовавших торговых отношений без стремления к их быстрой трансформации. Вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю обеспечивало всем политическим игрокам определенную выгоду и лояльность местных торговых структур.

Имперские идеологи понимали Казахскую степь как закрытую и изолированную систему, которая нуждалась в упорядочении, открытости и контроле. По мнению Ж. Баландые, ситуация открытости местной экономико-политической системы и ее контролирования условно называется колониальной [2], т. е. колониализм предполагает насильственное вмешательство в экономико-политическую систему завоеванного края с целью сделать ее понятной. В XIX–XX вв. граница между Казахской степью, Китаем и Россией была прозрачной и открытой. Возникают вопросы: «Насколько колониальная ситуация изменила трансграничную торговлю?»; «Можно ли назвать колониальной ситуацией простое фиксирование границ с помощью имперских договоров?»; «Насколько можно применить термин “периферийный империализм”, принадлежащий С. М. Горшениной, к трансграничной торговле, при которой принятие решений по фронтиру¹ и политика на границе формировались “более всего на знаниях и личных амбициях местных администраторов” [3, с. 157]?». Цель настоящего исследования – выявление роли Казахской степи в ее торговле с Китаем и Россией.

Результаты и их обсуждение

Трансграничная торговля как фактор расширения Российской империи. В середине XIX в. завершилось завоевание казахских жузов Россией. Идеологи расширения границ государства объясняли данный процесс с опорой на ориенталистские представления. В 1866 г. в газете «Русский инвалид» было отмечено: «...завоевание принесет важные нравственные плоды, которые выразятся распространением европейской цивилизации и гражданственности среди кочующих инородцев, остающихся в течение целых веков в застое и невежестве»². Кроме того, некоторые имперские идеологи, говоря о присоединении южных казахских областей к Российской империи, называли их новой Америкой. Так, по выражению представителя торгово-промышленных кругов С. Хрулева, «углубление в недра Турана – для нас та же Америка, открытая, но еще не тронутая» (цит. по [4, с. 4]). Таким образом, имперские идеологи хотели превратить Казахскую степь в связующее звено между Азией и Европой.

Сначала было необходимо установить контроль над степным регионом Казахстана с помощью военной силы, а также наладить трансграничную торговлю с развитыми народами. В конце XVIII – середине XIX в. основным торговым городом на названной территории был Оренбург. Через него проходила вся центральноазиатская караванная торговля. Рос-

сийская империя экспортировала в ханства Центральной Азии преимущественно золото и серебро: «...за 25 лет конца XVIII – начала XIX в. в Среднюю Азию было вывезено золота и серебра на 25 млн рублей» [4, с. 52]. На золотые и серебряные монеты бухарские купцы приобретали индийские товары, которые пользовались спросом в Бухаре, а также в российских городах. Активное завоевание Казахской степи и Ферганской долины Российской империей привело к конфликту интересов между Китаем и Россией в Восточном Туркестане. По мнению С. М. Горшениной, действия России в регионе Казахстана объяснялись поиском «естественных границ». Уйгуро-дунганское восстание 1864–1877 гг. и попытки вторжения британцев в Кашгар повлияли на ускоренное формирование границы данной территории [5–7]. В результате, кроме Оренбурга, важную роль в Казахской степи стали играть такие пограничные города, как Верный (Алма-Ата), Кашгар, Кульджа, Ташкент и Чугучак. Они были торговыми центрами и влияли на формирование имперской политики Китая и России в степном регионе Казахстана. Согласно архивным документам оба государства осознавали значение местных купцов и, исходя из этого, конструировали отношения с ними. Их действия обеспечивали появление прозрачной границы и беспопытной торговли. В 1930-х гг. историк В. Лаврентьев

¹Фронт – непрерывно движущаяся вперед граница освоенных поселенцами земель, которая включает обширные пространства, находящиеся в отдалении от ядра государства.

²Россия в Средней Азии и Англия в Индии // Рус. инвалид : воен., полит. и лит. газ. 1866. 11 февр. С. 3.

отметил: «Опорой самодержавия в Туркестане оказался не феодал, а торговый буржуа и ростовщик. Туземная торгово-ростовщическая буржуазия была оставлена неприкосновенной» [8, с. 112].

По мнению авторов настоящей статьи, именно компромиссы привели к возникновению имперской ситуации. На ее устойчивость в пограничье негативно влияло передвижение контрабандистов, торгующих оружием, драгоценными камнями и наркотиками, в частности опиумом [9; 10]. Реализации деятельности пограничных купцов и контрабандистов способствовала лояльная таможенная политика местных властей. В большинстве случаев российские пограничники практически не боролись с контрабандистами³, так как их было сложно отличить от купцов. В отчетах таможенники писали, что контрабандистами опиного мака были в основном киргизы-кочевники, поощрявшиеся китайскими властями⁴. В начале XX в. в Восточном Туркестане и Казахстане появились коммерческие банки, которые пытались контролировать внутреннюю и трансграничную торговлю. В населении Казахской степи увеличилась доля купцов из России и стран Европы. Можно считать, что трансграничная торговля велась в условиях, сочетавших признаки имперской и колониальной политики. Открытие отделений российских коммерческих имперских банков и торговых фирм коренным образом не изменило характер трансграничной и внутренней торговли в Восточном Туркестане и степном регионе Казахстана.

Одним из факторов мягкой политики России на фронтире была трудовая миграция из Восточного Туркестана. Из Кашгара в Ферганскую долину на заработки отправлялись сезонные рабочие. Например, в 1904 г. границу между этими территориями перешли 14,556 тыс. человек, в 1912 г. – 27,174 тыс. человек [11, с. 114]. Рабочие способствовали появлению российских денег в Кашгаре, что усиливало товарооборот между странами.

Следует отметить, что Оренбург служил важной базой для российской военной и торговой экспансии в Казахскую степь. Активное завоевание Средней Азии пришлось на 1860-е гг. Как и другие оренбургские купцы, Н. И. Иванов стал снабжать российскую армию провиантом. Он начал вести свою деятельность в Казалинске и вскоре распространил торговые операции по всему Туркестану. В обеспечение провиантом войск, находившихся в Туркестанском крае, были вовлечены в основном оренбургские купцы, которые из-за нехватки средств образовывали торговые компании. Н. И. Иванов также участвовал в деятельности купеческих торговых фирм

по снабжению провиантом, однако он каждый раз становился главной фигурой в купеческой компании и самостоятельно контролировал все вопросы. С 1871 г. купец был подрядчиком интендантства. Он поставлял мату (бумажную ткань) войскам, саксаул (древесное растение) судам бывшей Аральской флотилии, морскую провизию чинам этой флотилии и продовольственные припасы войскам Туркестанского военного округа⁵. Крупным делом Н. И. Иванова считается снабжение ферганского похода генерала М. Д. Скобелева провиантом. Оно принесло купцу миллионное состояние. С 1879 г. купец первой гильдии⁶ Н. И. Иванов поселился в Ташкенте, откуда он руководил всеми торговыми операциями [13]. Ежегодный торговый оборот его предприятий составлял не менее 3,5 млн руб. Как отмечал директор Ташкентского отделения Государственного банка Российской империи, недвижимое имущество Н. И. Иванова (дома, лавки, пахотные и засеянные земли), находящееся в Аулие-Ате, Верном, Джаркенте, Казалинске, Маргелане, Намангане, Оренбурге, Перовске, Петроалександровске, Ташкенте, Ходженте и Уфимской губернии, оценивалось в размере не менее 800 тыс. руб. Оренбург постепенно терял ведущую роль в экономическом развитии Российской империи. Впоследствии функция активизации трансграничной торговли была возложена на Верный и Ташкент.

Торговля в Казахской степи в условиях фронтальной модернизации. Если рассматривать модернизацию как комплекс прогрессивных инноваций, которые характеризуются трансформацией традиционного общества в современное, то этот процесс на границе между Казахской степью, Китаем и Российской империей выступал особенно актуальным. Исследователи изучали данное явление на колониальных окраинах России, рассматривали направления интеграции этих регионов в общее имперское пространство [14]. Казахстан, входивший в XIX – начале XX в. в состав Российской империи, был фронтальной территорией. Во-первых, он находился под юрисдикцией административных властей тех регионов, которые сейчас считаются пограничными (Урал, Западная Сибирь) [15]. Во-вторых, в XIX в. казахи были активно интегрированы в общее имперское пространство [16]. Исследования модернизационных процессов, происходивших в имперский период в Казахской степи, проводили, например, А. Ю. Быков, С. И. Ковальская и Д. Б. Тебаев [17–20].

Казахская степь имела выгодное географическое расположение, что способствовало развитию транзитной торговли между ханствами Центральной

³Отчеты Департамента таможенных сборов Министерства финансов по Туркестанскому и Закаспийскому таможенным округам о состоянии торговли и контрабандных делах, 1896–1897 гг. // Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 737. Л. 20–28.

⁴Там же. Л. 28.

⁵Об открытии промышленного кредита Н. И. Иванову // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 756. Л. 139–140.

⁶Купцы первой гильдии пользовались правами визита к императорскому двору, ношения шпаги или сабли и губернско-го мундира [12, с. 214].

Азии, Китаем и Российской империей. Коренное население степи (казахи) сумело организовать перевозку товаров с юга на север, к пограничным меновым дворам России, и наоборот, предоставляя коней и верблюдов для купеческих караванов. И. И. Завалишин отмечал, что богатые казахи держали для караванного найма до 500 верблюдов [21, с. 55–56]. Материалы статистических ежегодников подтверждают эти данные: «...через степные области совершалось торговое движение караванов и транспорта, идущих в Россию из Туркестанского края и из Среднеазиатских ханств и обратно. Перевозка производилась местными казахами, получавшими в этом немало-важные заработки, через отдачу своих верблюдов под караваны»⁷. Таким образом, осознавая выгоду торгового движения, казахское население активно вовлекалось в сферу транзитной торговли. В данном контексте необходимо отметить значение баев – богатых людей, обладавших огромными стадами скота и развивавших товарное скотоводство в дореволюционной Средней Азии.

Роль казахского населения в товарном скотоводстве менялась с течением времени. Если до середины XIX в. логистика купеческих товаров осуществлялась русскими крестьянами и казачеством, то во второй половине XIX – начале XX в. перевозкой занималось в основном казахское население, которое устанавливало гибкие цены и несло большую ответственность за доставку товара⁸.

Извозный промысел был распространен до проведения Оренбургско-Ташкентской железной дороги. После ее появления он осуществлялся главным образом по трактам Троицк – Костанай – Тургай и Челкар – Иргиз – Тургай. Провозная плата колебалась от 20 до 60 коп. за пуд на расстоянии Троицк – Тургай и Тургай – Челкар⁹. Строительство железных дорог не искоренило данный вид деятельности, а, наоборот, оптимизировало доставку товаров. Стали меняться маршруты и дистанции извозов, мелкие извозчики объединялись и создавали более крупные предприятия по перевозке грузов.

Казахская степь в различных направлениях была изрезана скотопрогонными трактами, по которым непрерывно двигались партии скота, товары и караваны в промышленные и торговые центры края. Почти все местные заводы были заняты обработкой скотоводческого сырья: сала, кожи, овчины, шерсти и т. д. Первостепенными предметами торговли на главнейших степных ярмарках были скот и продукты скотоводства, которые вывозились в такие

торгово-промышленные центры, как Москва, Варшава, Лодзь и т. д.

Наличие в Казахской степи крупных скотовладельцев указывало на то, что казахское общество располагало начальным капиталом для развития различных форм предпринимательской деятельности. Многие казахские баи постепенно осваивали торговые операции. Материалы экспедиции В. К. Кузнецова, которая состоялась в 1907–1911 гг., свидетельствуют о том, что 65–70 % крупных баев, имевших от 500 до 600 голов разного рода скота, параллельно занимались крупномасштабной торговлей скотом¹⁰.

Важным средством установления торговых связей между Казахской степью, государствами Центральной, Восточной, Южной Азии и Центральной Россией послужили ярмарки. Они стали фактором приобщения кочевого населения к новым рыночным условиям. Через Казахскую степь доставлялись купеческие товары из Кокандского и Бухарского ханств, Индии, Ирана, Китая, Монголии и России, в частности из Сибири, Урала, Московской и Пермской губерний. Бурное развитие ярмарочной торговли в степном регионе Казахстана обусловлено появлением железных дорог. Благодаря ярмаркам степные рынки и рынки среднеазиатских ханств сближались с российским, в том числе сибирским, рынком. Сибирская железная дорога представляла собой центр торговой активности народов, которые населяли Казахстан. Вследствие функционирования железной дороги в конце XIX – начале XX в. сформировался эффективный канал по транспортировке скота и продуктов животноводства. Согласно статистическим материалам, собранным в 1900 г. в Семипалатинской области, некоторые казахские баи продавали скот через экспортеров в страны Европы и Америки за наличный расчет и по высоким ценам¹¹. Отсюда следует, что ярмарки связали Казахскую степь с центрами торговли всего евразийского пространства.

Крупными торговыми центрами в Казахской степи становились такие города, как Акмолинск, Актюбинск, Кустанай, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск и Тургай. Так, Семипалатинск имел узловое значение для купеческих караванов, которые следовали через Семиреченскую область в Китай и обратно. К тому же Семипалатинская область на юге примыкала к заповедным провинциям Китая. Торговля проводилась через таможенную Зайсану, Алкабекский и Катон-Карагайский переходные пункты.

⁷ Обзор Тургайской области за 1884 год. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1885. С. 7.

⁸ Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргиз : в 3 ч. Ч. 1. СПб. : Тип. Траншея : Тип. Ретгера и Шнейдера, 1868. С. 414.

⁹ Справочная книга и адрес календарь Тургайской области на 1911 год. Оренбург : Тип. Тургайс. обл. правления, 1911. С. 202.

¹⁰ Мамытова С. Н. История развития предпринимательства во второй половине XIX – начале XX веков : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Павлодар, 2004. С. 8.

¹¹ Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год / сост.: Ф. К. Зобнин, Н. Я. Коншин. Семипалатинск : Тип. Семипалат. обл. правления, 1900. С. 74.

В начале XX в. основными предметами, ввозимыми в Китай, являлись бумажные ткани (75,8 %), рога марала и сайги (10,3 %), юфть и сафьян (7,3 %). Главными привозными товарами были скот и скотоводческое сырье (42,5 %), невыделанная кожа (22,7 %), войлок и шерсть (13,9 %) ¹². Из Китая также прибывали джебага (длинная шерсть, собираемая со спины верблюда), чай и хлопок, которые затем направлялись в центральные районы России. Из Семипалатинска в Китай отправляли в основном железо и ткани. Для срочной переброски товаров действовало пароходное сообщение, курсирующее от Семипалатинска и Павлодара до Тюмени. В 1893 г. почти 60 % товаров вывозились из Семипалатинской области, что свидетельствовало о лидирующей позиции данной территории в вывозе товаров из степных областей и Сибири в Китай ¹³.

Ярмарочная торговля в Казахской степи являлась главным местом сбора скотоводческой продукции и шерсти, а также центром распределения промышленных товаров среди населения. Доход от продажи местных товаров и продуктов скотоводства был выше дохода от продажи привозимой фабрично-заводской продукции. В начале XX в. в Акмолинской области действовали около 200 ярмарок и торжков, дававших торговый оборот на сумму до 15 млн руб. со сбытом около 10 млн руб. Скот и скотоводческая продукция составляли 70 % суммы ярмарочного сбыта, а другие товары – 30 % объема продаж. Разница между доходами от сбыта скота, продуктов скотоводства и затратами на покупку ввозимых в степь товаров формировала чистый доход региона ¹⁴. В 1887 г. скот и скотоводческое сырье составляли большую часть товара, привезенного на ярмарки Акмолинской области (95,9 и 99,4 % соответственно), тогда как азиатские и европейские промышленные товары были представлены в меньшей степени (40,0 и 20,4 % соответственно) [22, с. 142]. В структуре промышленных товаров из России и европейских стран особое место занимало сельскохозяйственное оборудование. В Казахской степи с развитием земледелия стала быстро распространяться торговля сельскохозяйственными машинами и орудиями, например сенокосилками, конными граблями, лобогрейками и сеялками ¹⁵.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. происходило превращение степных областей в важную житницу евразийского пространства. Наряду со скотом и животноводческой продукцией предметами внешней торговли выступали зерно

и хлеб. Маршруты хлебной торговли были проложены из Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей как в Европу, так и в Центральную Азию. Главными пунктами хлебной торговли в Семипалатинской области служили Павлодар и Семипалатинск. В течение осени и зимы местные торговцы скупали хлеб, который с открытием навигации отправлялся на буксирных пароходах по Иртышу в Омск или Тюмень для дальнейшего следования в Россию и другие страны ¹⁶.

С развитием торгового предпринимательства в казахском обществе появились новые социальные группы и категории. Высокий спрос на продукцию животноводства на рынках России и европейских государств обеспечил высокую прибыль, что привлекло внимание казахских баев и покупателей скота и продуктов скотоводства в лице так называемых алыпсатаров (скупщиков) и саудагеров (торговцев). Покупая скот, шкуру и шерсть у казахских баев по выгодной цене, а затем перепродавая их на крупных ярмарках и рынках Казахской степи, государств Центральной Азии и России, в частности Сибири, они получали значительную прибыль, тем самым накапливая первоначальный капитал.

Покупка и продажа животных производились исключительно при помощи казахов-маклеров. Имея небольшой оборотный капитал в размере 50–100 руб., они занимались только данными видами деятельности. Например, прасольство было значительно развито в Иргизе. Число лиц, посвятивших себя этому промыслу, доходило до 70 человек, которых составляли 32 казаха, 26 сартов и 12 татар ¹⁷.

В начале XX в. богатые казахи стали уделять больше внимания производству товаров и торговле ими, поскольку они понимали, что эпоха традиционного животноводства закончилась. Во второй половине XIX в. капиталистические отношения усилились в масштабах всей Российской империи, роль промышленного производства возросла. Эти изменения не могли не затронуть Казахскую степь. В степных областях увеличилось количество татарских и русских купцов, которые начали заниматься торговлей и промышленностью. По данным переписи населения 1897 г., в Казахстане проживали около 40 тыс. купцов (3,6 % населения). Только в Акмолинской области насчитывалось 1,107 тыс. представителей купеческого сословия ¹⁸.

С появлением торговцев и предпринимателей в Казахской степи активизировалась благотворительная деятельность, направленная на поддержку

¹² Обзор Семипалатинской области за 1903 год. Семипалатинск : Тип. Семипалат. обл. правления, 1903. С. 43–44.

¹³ Сибирь и Великая сибирская железная дорога. СПб. : Изд. Департамента торговли и мануфактур М-ва финансов, 1893. С. 249.

¹⁴ Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск : Изд. Акмолин. обл. стат. ком., 1912. С. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Обзор Семипалатинской области за 1903 год. С. 41–42.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXI. Акмолинская область. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. С. 28.

как уязвимых слоев местного населения, так и жителей соседних регионов. Например, крестьянам Поволжья и Прикамья, которые пострадали от неурожайного года, торговцы степных областей и казахские баи пожертвовали 62 лошадей¹⁹.

Верный как торговый центр Казахской степи.

Верный являлся административным центром Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В начале XX в. этот город активно развивался, к 1913 г. его население составило 40 тыс. человек. В Верном функционировали 59 промышленных предприятий. Торговлю вели в основном владельцы крупного капитала. Так, на банковские операции приходилось 6 млн руб. от общего торгового оборота, который составлял 14 млн руб. В 1913 г. банки контролировали более 85 % торгово-промышленного оборота в городе²⁰. В Верном имелись отделения Государственного банка Российской империи, Русско-азиатского банка и Сибирского банка. Также существовали Городской общественный банк, городское общество взаимного кредита, учреждение мелкого кредита, транспортные организации, страховые общества и отделения различных российских фирм. В Верный свозилась вся сельскохозяйственная продукция Семиреченской области, в городе совершались сделки на хлеб, скот и продукты скотоводства²¹. В 1911 г. сильное землетрясение разрушило большую часть города, что навредило торговле и развитию промышленности. Несмотря на все экономические и природные трудности, Верный был восстановлен. Город не потерял статуса экономического и культурного центра Семиреченской области, о чем свидетельствуют архивные материалы Русско-азиатского банка.

Русско-азиатский банк финансировал внутреннюю и внешнюю торговлю. Следует отметить, что товарооборот в Верном был скромным по сравнению с товарооборотом в Ташкенте и Оренбурге. Местные купцы вели торговлю в основном с Кашгаром, Кульджей и Ташкентом.

Верненское отделение Русско-азиатского банка было открыто в 1904 г. Финансирование получали в основном проживавшие в Верном скотоводы, крупные коммерсанты, купцы, мелкие торговцы и пе-

рекупщики. Одним из самых значимых клиентов был член учетного комитета банка купец И. Шахворостов, который пользовался своим положением, чтобы получать большие средства от отделения. Например, в 1911 г. ему, как купцу, был открыт кредит в размере 125 тыс. руб., хотя он являлся клиентом Сибирского торгового банка, в котором ранее ему был выдан кредит на сумму 100 тыс. руб.²² Некоторые купцы средней руки постоянно брали в банке кредит, превышающий их кредитоспособность. Например, на 13 июня 1911 г. долг Таджибая Калдыбаева по вексельному учету составил 9,8 тыс. руб., что превышало разрешенный правлением банка кредит в 7,0 тыс. руб. на 40 %²³. На 13 июня 1911 г. задолженность Хамды Абдулловича Тюменева по онкольному счету, обеспеченному векселями, равнялась 31,85 тыс. руб. 72 коп. и превышала разрешенный правлением банка кредит в 25,0 тыс. руб. на 25 %²⁴. Следует отметить, что 11 июля 1911 г. Верненское отделение Русско-азиатского банка получило разрешение увеличить кредиты Мухаммаду Али Умарбаеву с 1 до 2 тыс. руб. и владельцам торгового дома «Сулейманов, Тазетдинов, Ибрагимов» с 30 до 50 тыс. руб. в форме учета. Также в данном отделении открыл новый кредит собственникам торгового дома Н. А. Кадки и К. в размере 5 тыс. руб.²⁵ Два клиента банка получили отказ на запрос об увеличении кредита²⁶.

Среди местных торговых фирм выделялся торговый дом «Братья Мусабаевы», владельцам которого с 1900-х гг. давали ссуды и кредиты в отделениях Русско-азиатского банка в Кашгаре и Кульдже. Скот, скотоводческое сырье и ткань, представленные в этом торговом доме, активно продавались в Кашгаре, Кульдже и городах Семипалатинской области²⁷. Вскоре фирма разорилась из-за неудачной постройки обширного завода для обработки кожи в Кульдже.

Торговля в Восточном Туркестане. Во второй половине XIX – начале XX в. история отношений Китая и Российской империи была наполнена различными событиями, которые значительно повлияли на торговлю и экономическую политику. В XIX в. усилилось проникновение иностранного капитала в Китай, что привело к ослаблению империи Цин.

¹⁹О закупке лошадей в киргизских степях // Киргиз. степная газ. 1901. С. 4.

²⁰Злобин П. Улицы города как учебник истории // Комсом. правда : электрон. газ. 2017. 14 апр. URL: <http://old.kp.kz/incidents/13776-ulitsy-goroda-kak-uchebnik-istorii> (дата обращения: 29.01.2024).

²¹Документ составлен 18 июня 1915 г. в стенах Верненской городской управы и адресован туркестанскому генерал-губернатору как арбитру (см.: *Ивлев Н. О Верном. 1914 год* // Silk road adventures : сайт. URL: <http://silkadv.com/en/content/o-vernom-1914-god> (дата обращения: 29.01.2024)).

²²Переписка Управления отделениями с Верненским отделением банка о главнейших операциях отделения и состоянии местного рынка, об открытии кредитов клиентам, представлении отчетов и по другим вопросам, 1911 г. // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 273. Л. 21–22.

²³Там же. Л. 38.

²⁴Там же.

²⁵Там же. Л. 48.

²⁶Там же.

²⁷Из письма директора Кульджинского отделения Русско-китайского банка // РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 306. Л. 146–147.

Россия и европейские государства активно включились в борьбу за сферы влияния на новой территории. В результате «опиумных войн», уйгуро-дунганского восстания 1864–1877 гг. и других социальных потрясений центральная власть в Китае ослабла. В 1864 г. на западных границах государства возникли спорные территории, на которые стала претендовать Россия. Кульджинский договор был заключен 25 июля 1851 г. В соответствии с ним обеспечивалась беспопыльная торговля, в Синьцзяне появилось русское консульство, Россия установила контроль над купечеством Китая [23].

По Санкт-Петербургскому договору 1881 г. Китай предоставил Российской империи возможность вести беспопыльную торговлю в Кашгаре, Кульдже и Чугучаке, а также дал право совершать транзит в города на своей территории. Н. Пианчола отметил, что в результате проницаемости государственной границы различные группы китайских мигрантов переселялись через нее и выращивали опиумный мак. Расцвет трансграничной торговли опиумом пришелся на 1908–1930-е гг. [10]. Его ввозили в Россию для обеспечения военной фармацевтической отрасли.

В конце XIX – начале XX в. деятельность российских предпринимателей приобрела новые черты в связи с инвестированием капитала в экономику Синьцзяна. К концу XIX в. в русской колонии, которая находилась в Синьцзяне, насчитывалось около 2 тыс. чел. [24, с. 194]. В Кашгаре, Кульдже и Чугучаке были открыты отделения Русско-китайского банка (с 1910 г. Русско-азиатского банка). Товары, привозимые из России, удовлетворяли основные потребности населения Синьцзяна. В 1903–1904 гг. оборот русско-синьцзянской торговли составлял 15–20 млн руб. В 1913 г. экспорт из России в данную провинцию Китая равнялся 8,244 тыс. руб., импорт из Синьцзяна в города России – 9,846 тыс. руб.²⁸

В годы Первой мировой войны торговый оборот между городами Средней Азии и Синьцзяном уменьшился. Голод в Средней Азии повлиял на структуру торговли. Повысился спрос на продовольствие и скот. Если в 1915–1916 гг. из Синьцзяна в города Средней Азии было перегнано 10,0–20,0 тыс. баранов, 0,5–2,0 тыс. голов рогатого скота и 0,2–0,5 тыс. лошадей, то уже в 1917 г. через восточную границу поступило 120,0 тыс. баранов, 1,2 тыс. голов рогатого скота и 3,0 тыс. лошадей.

В отношении организации торгового дела и управления им в крае следует отметить деятельность Кашгарского отделения Русско-азиатского банка. Его кли-

ентами были преимущественно купцы-экспортеры, скупщики и торговые фирмы. Под залог недвижимого имущества банк выдавал кредиты владельцам торгового дома братьев Ахунбаевых. В 1915 г. они получили 15 тыс. руб. под залог имущества. Директор отделения писал: «Ахунбаевы обладают миллионным состоянием и никогда не позволят себе не оправдать своих обязательств. Вчера у нас был Мухаммед Рахим Ахунбаев и сказал, что на днях должен быть из Андижана перевод для них (они продали там 30 вагонов хлопка), и тогда они погасят этот долг»²⁹. Постоянным клиентом банка был торговец кораллами Ислам Зубайдуллаев. В 1914 г. он был должен банку 2,4 тыс. руб. под залог 6 пудов кораллов³⁰. Кашгарское отделение Русско-азиатского банка успешно обслуживало всех клиентов, банкротство среди них было редким случаем [25].

Хрупкую имперскую ситуацию на центрально-азиатском фронтире отражает состав учетного комитета Чугучакского отделения Русско-азиатского банка. В 1910 г. его членами были следующие лица:

- Григорий Ефимович Ботвин – учредитель торгового дома, который пользовался уважением среди местных и иногородних коммерсантов;
- Хасан Абдуллович Биришев – почетный аксакал русской фактории, влиявший на местных жителей и около 10 лет занимавший должность торгового старшины купечества;
- Таджиусман Исхакбаевич Измаилбаев – энергичный и предприимчивый коммерсант, главный руководитель фирмы «Х. Г. Измаилбаев», который собрал ценные сведения о положении клиентуры;
- Аминджан Ильхамджанов – человек, стоявший во главе крупного торгового дома в Западном Китае и пользовавшийся авторитетом среди сартов (часто являлся у них поручителем за исправные платежи), московских фабрикантов;
- Турды Ахун Сабирабаев – выборное лицо на должность старшины от китайских подданных кашгарских сартов, влиятельный человек, который предоставлял отделению сведения о местных купцах, бравших кредиты³¹.

В начале XX в. баланс сил на фронтире был обусловлен социально-экономической ситуацией в Казахской степи, которая характеризовалась переселением крестьян, строительством железных дорог, возникновением обрабатывающей промышленности. Эти факторы стали причиной восстания 1916 г., нарушившего имперскую торговлю в мультикультурной жизни Центральной Азии [26].

²⁸Экономическое развитие Синьцзяна в XIX – начале XX в. // Студопедия : сайт. URL: <https://studopedia.org/2-14848.html> (дата обращения 29.02.2024).

²⁹Письма Кашгарского отделения банка Управлению отделениями о развитии операций отделения, предоставлении кредитов клиентам, о состоянии рынка в Кашгаре в связи с войной, о представлении отчетности и по другим вопросам, 1910–1917 гг. // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 376. Л. 128–129.

³⁰Там же. Л. 50–51.

³¹Там же. Д. 579. Л. 4–5.

Заключение

Развитие торговли в приграничных регионах Казахской степи, Китая и Российской империи происходило в условиях формирования границы между этими территориями. Ее неустойчивость и размытость подтверждаются наличием выполняющих административные функции временных поселений, которые могли укрепляться. На рубеже XIX–XX вв. минимальное присутствие бюрократического аппарата способствовало расширению торговли между Казахской степью, Россией и Восточным Туркестаном, а также активизации таких субъектов торговли, как казахские баи и русские, татарские, узбекские купцы. Интегрирование казахского хозяйства в систему российской экономики привело, с одной стороны, к кризису традиционного общества, а с другой стороны, к развитию у кочевников коммерческих навыков. В результате сформировалось предпринимательское сословие в лице казахских баев.

Фронтир, будучи модернизирующей силой, активизировал социальную дифференциацию и вовлечение казахских баев в контекст имперской торговли. Именно байство было социальной категорией, заинтересованной сферой товарно-денежных и властных отношений через ярмарки, банки, кредитные товарищества и т. д. Имея большое количество скота, баи располагали начальным капиталом для развития различных форм предпринимательства. Экономические реалии способствовали развитию трансграничной торговли и вовлечению в нее новых субъектов. Китай и Россия зафиксировали уже существовавший порядок торговых отношений без стремления к их быстрому изменению. Пассивное вмешательство имперской администрации в трансграничную торговлю обеспечивало всем экономическим субъектам определенную выгоду, а также лояльность местных торговых структур.

Библиографические ссылки

1. Исиев ДА. *Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877)*. Москва: Наука; 1981. 94 с.
2. Баландые Ж. Колониальная ситуация: теоретический подход. *Ab Imperio*. 2013;2:29–64. DOI: 10.1353/imp.2013.0050.
3. Горшенина СМ. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): автопортрет Российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана. *Ab Imperio*. 2014;2:102–165.
4. Михалева ГА. *Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины*. Леус ЛА, редактор. Ташкент: Фан; 1991. 112 с.
5. Почекаев РЮ. Соглашения Российской и Британской империй с Йэтишаром: историко-правовое исследование. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2021;3:527–544. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544.
6. Hopkirk P. *The great game: on secret service in High Asia*. London: Counterpoint; 1990. 562 p.
7. Meyer KE, Brysac ShB. *Tournament of shadows: the great game and the race for empire in Central Asia*. Washington: John Murray; 1999. 646 p.
8. Лаврентьев В. *Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии)*. Ленинград: Наука; 1930. 160 с.
9. Piaciola N. Illegal markets and the formation of a Central Asian borderland: the Turkestan – Xinjiang opium trade (1881–1917). *Modern Asian Studies*. 2020;6:1828–1875. DOI: 10.1017/S0026749X18000227.
10. Пианчола Н. Маки для большевиков: опиум на туркестано-синьцзянском приграничье в 1914–1929 годах. *Acta Slavica Iaponica*. 2022;1:127–149.
11. Галузо ПГ. *Туркестан – колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года*. Москва: Коммунистический университет; 1929. 240 с.
12. Бовыкин ВИ, Гавлин МЛ, Епифанова ЛМ и др., редакторы. *История предпринимательства в России. Книга 2, Вторая половина XIX – начало XX века*. Москва: РОССПЭН; 1999. 572 с.
13. Алимджанов БА, Чориев ШХ, Иванов ТН. История Среднеазиатского коммерческого банка (1881–1911). *Вопросы истории*. 2020;2:215–222. EDN: YWNIPO.
14. Побережников ИВ. Азиатская Россия: фронтальная модернизация. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2011;4:191–203. EDN: OPROXV.
15. Алексеев ВВ, Побережников ИВ, Зубков КИ, Нефедов СА, Алексеева ЕК, Корнилов ГЕ и др. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов*. Алексеев ВВ, редактор. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; 2011. 404 с. EDN: UJCIIN.
16. Почекаев РЮ. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013;4:174–190. EDN: RYGFJX.
17. Быков АЮ. *Истоки модернизации Казахстана: проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века*. Москва: Азбука; 2003. 267 с.
18. Быков АЮ. *Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)*. Том 1. Москва: Институт востоковедения РАН; 2023. 466 с.
19. Ковальская СИ. *Судьбы модернизации Казахстана в англоязычной историографии*. Астана: Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева; 2007. 336 с.
20. Тебаев ДБ. Фронтир в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего жузов). *Иран-наме*. 2010;1:246–256.
21. Завалишин ИИ. *Описание Западной Сибири. Том 3, Сибирско-киргизская степь*. Москва: Издательство Общества распространения полезных книг; 1867. [2], 145, [5], IV с.

22. Щеглова ТК. *Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли*. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного педагогического университета; 2002. 236 с.

23. Янченко ДГ. Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023;2:317–333. EDN: GOADER.

24. Попов АВ. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В: Российская Академия наук. *Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.* Москва: Издательство РАН; 2001. с. 194–201. EDN: PXDASZ.

25. Алимджанов БА, Алтымышова ЗА. История деятельности Кашгарского отделения Русско-азиатского коммерческого банка. *Вопросы истории*. 2019;8:88–100. EDN: QRDAEP.

26. Котюкова ТВ, составитель. *Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов*. Москва: Марджани; 2016. 468 с.

Получена 11.08.2024 / исправлена 07.07.2025 / принята 07.07.2025.
Received 11.08.2024 / revised 07.07.2025 / accepted 07.07.2025.